

ПРИЧИНЫ ДУЭЛИ И СМЕРТИ А.С. ПУШКИНА

Публикуемый материал — фрагмент серьёзного хронологического исследования по документальным и литературным источникам. Работа высоко оценена специалистами, заняла призовое место на конкурсе исследовательских проектов, который проводил Государственный университет — Высшая школа экономики. Руководитель проекта — учитель тамбовской школы № 1 М.Б. Чечевицына.

Кто писал письма?

Михаил Шлыков,
ученик 10-го класса
средней школы № 1
им. А.С. Пушкина
г. Тамбова

4 ноября 1836 г. утром на квартиру Пушкина в доме Волконских («на Мойке близ Конюшенного моста») было доставлено три конверта с анонимными письмами.

Первое из них, адресованное самому Пушкину, прибыло по городской почте. В девятом часу утра его принёс письмоносец.

Второе, несколько часов спустя, доставил посланный от Е.М. Хитрово (Елизавета Михайловна, полагая, что к ней по ошибке попало письмо на имя Пушкина, велела тотчас же отнести его на квартиру поэта).

Третий экземпляр пасквиля в то же утро вручил Пушкину В.А. Соллогуб. Молодой человек чувствовал во всём этом какой-то подвох, но не считал себя вправе распечатать письмо или уничтожить его.

В этот же день ещё четверо друзей и знакомых поэта (Вяземские, Карамзины, Вильгорский, Россеты) получили точно такие же пакеты для передачи Пушкину, но, заподозрив недоброе, распечатали их и оставили у себя.

В конверте, прибывшем утром по городской почте, Пушкин обнаружил письмо, написанное по-французски нарочито изменённым почерком: *«Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в Великий Капитул, под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена, его превосходительства Д.Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И. Борх».*

Произошло то, что было для Пушкина нестерпимее всего. Брошена была тень на его честь и доброе имя его жены. Удар был нанесён из-за угла. Виновники этого подлого дела надеялись остаться безнаказанными.

С этого дня, который был для него поистине ужасным, жизнь Пушкина переломилась. *«С получения безымянного письма он не имел ни минуты спокойствия»*, — вспоминал впоследствии П. Вяземский. То же самое говорили все, кто был близок с Пушкиным в последние месяцы. Трудно вообразить, что ему пришлось пережить 4 ноября.

У него состоялось объяснение с Натальей Николаевной. Скрывать далее правду было невозможно, и Наталья Николаевна рассказала мужу обо всём, что происходило в последние дни, о чём она не решалась ему сообщить, опасаясь взрыва с его стороны,

о тех преследованиях, которым она подвергалась. Зная её, Пушкин поверил ей безусловно. Он стал её защитником, а не обвинителем. Вяземский позднее писал об этом решающем объяснении: «Пушкин был тронут её доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала».

По словам Вяземского, «эти письма заставили невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветрености, которые побуждали её относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерна; она раскрыла мужу всё поведение молодого и старого Геккернов по отношению к ней; последний старался склонить её изменить своему долгу и толкнуть её в пропасть».

Как ни мучителен был этот разговор, доверие жены, открывшейся ему во всём, дало Пушкину силы выдержать этот удар. Во всяком случае, и его поведение, и воспоминания близких людей говорят об одном: первым и главным побуждением Пушкина после появления анонимных писем было стремление защитить жену.

По-видимому, мысль о поединке возникла у него тотчас же после разговора с женой. Он жаждал отмщения.

В.А. Соллогуб, посетивший поэта 4 ноября днём, видел его после только что состоявшегося объяснения с Натальей Николаевной. Вот что он рассказывает в своих записках:

«Я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своём кабинете. Распечатал конверт и тотчас сказал мне:

— Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитрово: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безымянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мою платё, так это дело моего камердинера вычистить платё, а не

моё. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться её не может. Пожалуйста, что я по сему предмету пишу г-же Хитрово.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами, он говорил спокойно, с большим достоинством и, казалось, хотел оставить всё дело без внимания». В.А. Соллогуб, единственный из очевидцев, чьи воспоминания об этом дне дошли до нас, свидетельствует о поразительном самообладании Пушкина. Письмо, переданное Соллогубом, было третьим за этот день. Пушкин ещё не мог знать, сколько таких писем пушено в оборот. Появление нового экземпляра пасквиля заставило его понять, что интрига только начинает развиваться и возможны ещё новые удары. Тем не менее во время визита молодого человека он ничем не выдал своих чувств. Больше никаких подробностей об этом дне неизвестно.

К кому из друзей он бросился в первый момент? Как и когда узнал о письмах, которые получили Вяземские, Карамзины и другие? Где провёл вечер? Об этом не сохранилось никаких свидетельств.

Но, вероятно, уже 4 ноября Пушкин пришёл к заключению, что анонимный пасквиль был мстью Наталье Николаевне. После объяснения с женой он знал об интриге, которая плелась против неё, знал о несостоявшемся свидании и уязвлённом самолюбии Жоржа Геккерна и, наконец, об угрозах, которые слышала его жена от старшего Геккерна 2 ноября.

Всё вместе взятое — момент появления пасквиля, круг адресатов и сам характер анонимного письма — указывало на истинных виновников этого грязного дела. Однако о самых веских доказательствах, подтверждающих вину Геккернов, Пушкин не сообщил никому.

4 ноября вечером Пушкин послал по городской почте вызов на имя барона Жоржа Геккерна. Этот письменный вызов видел Соллогуб у д'Аршиака, когда секунданты 17 ноября встретились для переговоров.

Точный текст пушкинского письма неизвестен, но общий характер его ясен из дальнейших переговоров. Это был вызов — предельно лаконичный, корректный, без объяснения причин, как в «Онегине».

«...благородный, короткий вызов, иль картель». Пушкин действовал в духе рыцарских дуэльных традиций времён своей молодости и с того момента, как он принял решение о поединке, не позволял себе никаких публичных выпадов в адрес противника.

Разительное сходство перечня имён постоянных посетителей карамзинского салона со списком лиц, получивших анонимные письма, бросается в глаза. Такое совпадение не может быть случайным. Трудно себе представить, чтобы кому-то, не связанному с узким карамзинским кружком, пришло в голову разослать пасквиль всем этим лицам и только им. Если бы дело было затеяно кем-то из великосветских шалопаев или одним из могущественных врагов поэта, круг адресатов, несомненно, был бы шире.

Всё это говорит о том, что организатор интриги с анонимными письмами был как-то связан с карамзинским салоном. Пушкин, по-видимому, уверился в этом, когда убедился, что все экземпляры пасквиля получили распространение только в карамзинском кружке. Это дало весомое подтверждение его подозрениям. Ведь Пушкин знал, кто в этом кругу грозил его жене мезьей за два дня до появления анонимных писем. И, конечно, не случайно Пушкин в ноябре избрал своими секундантами В. Соллогуба и К. Росета: дело должно было завершиться в присутствии свидетелей — завсегдаев карамзинского дома.

Заслуживает внимания и следующее немаловажное обстоятельство. Анонимное письмо, полученное Пушкиным, не было специально сочинённым пасквилом, направленным против определённого лица. За исключением приписки, текст этого шутовского диплома, извещающего о принятии в члены «Ордена рогоносцев», представляет собою нечто совершенно безликое: это своего рода готовое клише, куда могли быть вставлены любые имена.

Из воспоминаний Соллогуба нам известно, что в 1836 г. кто-то из иностранных дипломатов привёз в Петербург из Вены печатные образцы подобных шутовских «дипломов». Секретарь французского посольства д'Аршиак, встретившись с Соллогубом после ноябрьской дуэльной истории, показал ему несколько по-

добных дипломов *«на разные нелепые звания»*, среди которых находился печатный образец письма, присланного Пушкину. *«Таким образом, — пишет Соллогуб, — гнусный шутник, причинивший ему смерть, не выдумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал».*

Соллогуба поразил самый факт существования печатного образца, и он, не останавливаясь на мелких различиях, характеризует оба текста как тождественные. Но в экземплярах, разосланных 4 ноября, несомненно, есть одна индивидуальная примета. *«Гнусный шутник»*, списывая с безликого образца текст, который можно было адресовать любому обманутому мужу, сделал при этом одну приписку от себя. Он назвал поэта не только заместителем Великого Магистра Ордена рогоносцев, но и историографом ордена. Этого слова, конечно, не было в печатном бланке. Оно имеет совершенно определённый прицел и могло быть адресовано в Петербурге только одному человеку — Пушкину. Слово «историограф», вне всякого сомнения, было внесено в текст составителем пасквиля.

Итак, вот единственный «личный» след, оставленный в анонимном письме его отправителем. И этот след ведёт всё туда же — в карамзинский кружок. Самая мысль о подобной приписке могла возникнуть у того, кто был как-то причастен к карамзинскому дому, с его атмосферой культа историографа. И лишь один человек в том кругу был способен сделать предметом издевательской шутки это окружённое всеобщим уважением звание.

Можно думать, что самый характер текста анонимного пасквиля позволил Пушкину о многом догадаться. О существовании печатных образцов «дипломов» поэт мог узнать в процессе предпринятых им розысков. Возможно, об этом ему рассказал Владимир Соллогуб, поражённый тем, что сообщил д'Аршиак (как секундант, Соллогуб оказался в числе тех немногих людей, которые осмеливались

разговаривать с Пушкиным об анонимных письмах).

Сведения, которые Пушкин черпал из разных источников, так или иначе подтверждали его догадки. Много из того, что он узнал в те дни, нам неизвестно и поныне. Достоверно известно лишь, что относительно сорта бумаги Пушкин получил консультацию у своего лицейского товарища М.Л. Яковлева, который заверил его, что бумага нерусского производства, облагаемая высокой пошлиной, и, скорее всего, принадлежит кому-то из иностранных дипломатов.

Удалось выяснить, на чём основывал Пушкин свою убежденность в том, что пасквиль — дело рук Геккернов. Оказалось, что мнение Пушкина отнюдь не было плодом «болезненной подозрительности и гнева», как утверждали ранее некоторые биографы. Пушкин позволил себе официально обвинить Геккернов, потому что у него для этого были достаточно серьезные основания, настолько серьезные, что его друзья, поначалу считавшие это предположение недопустимым, узнав о них, тоже прониклись этой уверенностью.

И сейчас, по прошествии стольких лет, чем больше проясняется фактическая сторона дела, тем более весомым представляется обвинение, выдвинутое Пушкиным.

До сих пор были непонятны побуждения, которые могли толкнуть Геккернов на этот шаг. Широко распространившаяся легенда о «великой любви» Дантеса оказалась неким психологическим барьером, который в своё время помешал увидеть события в истинном свете. Когда появились анонимные письма, никому и в голову не пришло, что Геккерны могли иметь к ним отношение, так как все в петербургском обществе, начиная с императрицы и кончая наивными юношами из карамзинского кружка, находились под обаянием этой легенды. Влияние её сказывается и по сей день.

Решительный шаг к пересмотру этой давнишней легенды сделала Анна

Ахматова. Она проницательнее всех оценила отношение Дантеса к Н.Н. Пушкиной и очень точно подметила, как менялись его чувства в течение года. *«Дантес был влюблён в неё с января 36 г. до осени, — писала она. — Когда же выяснилось, что она (любовь) грозит гибелью карьеры, он быстро отрезвел, стал осторожным, по требованию посланника написал письмо, где отказывается от неё, а под конец, вероятно, и возненавидел...»*

О том, как велико было раздражение Дантеса против той, которой он ещё недавно обещал рыцарскую верность, свидетельствует разговор, переданный Соллогубом. В самый разгар переговоров о ноябрьской дуэли Дантес сказал Соллогубу о Н.Н. Пушкиной: *«И эта жеманница...»* И сказано это было секунданту Пушкина! Даже в разговоре с ним Дантес не смог скрыть своих чувств.

Кризис в отношениях Дантеса и Н.Н. Пушкиной произошёл накануне 4 ноября, когда он был вновь отвергнут женой поэта. Свидание, окончившееся для него так бесславно, тем более его уязвило, что он привык к лёгким победам и был уверен в успехе. После инцидента на квартире у Идалии Полетики у него и возник этот план «отмщения».

Задуманный Дантесом ход был вполне в духе нравов золотой молодёжи того времени. По-видимому, затеяв интригу с анонимными письмами, которые должны были опорочить Наталью Николаевну в кругу самых близких поэту людей, Дантес рассчитывал, что оскорблённый муж обратит свой гнев и ярость, прежде всего, против жены.

Опровергая слухи о причастности Дантеса к анонимным письмам, Геккерн в своём письме спрашивает с возмущением: *«Мой сын, значит, тоже мог бы быть автором этих писем? Спрошу ещё раз: с какой целью? Разве для того, чтобы добиться большего успеха у 2-й Пушкиной, для того, чтобы заставить её броситься в его объятия, не оставив ей другого исхода, как погибнуть в глазах света отвергнутой мужем?»* Геккерн решительно отвергает возможность подобных предположений, апеллируя к общественному мнению. Он ссылается на то, что рыцарский характер отношений его сына к госпоже Пушкиной всем известен.

Но не проговорился ли невольно барон Геккерн в этом письме? Оказывается, с точки зрения Геккернов, такая ситуация была возможной. По их мнению, Н.Н. Пушкина после появления анонимных писем могла быть отвергнута мужем, опозорена в глазах света, и это должно было толкнуть её на сближение с Дантесом. У барона Геккерна могли быть при этом и свои особые мотивы. Возможно, он рассчитывал, что анонимные письма так или иначе приведут, наконец, к развязке этот затянувшийся роман Дантеса. В 1850-е годы П.А. Анненков — со слов друзей Пушкина — сделал такую запись для себя: *«Геккерн был педераст, ревновал Дантеса и потому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные.»*

Нужно также учесть, что с точки зрения тех, кто затеял интригу с письмами, этот способ отмщения представлялся самым безопасным. Тот, кто действовал под маской анонима, практически всегда оставался безнаказанным. Из-за анонимных писем не стрелялись, не известно ни одного такого случая в русской дуэльной практике. Сам Пушкин в первый момент после получения письма сказал почти то же самое о неизвестном ему оскорбителе: *«Если кто-нибудь сзади плюнет на моё платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не моё...»*

Организаторы интриги с анонимными письмами действовали очень предусмотрительно и осторожно. Бесспорных доказательств их преступления, несмотря на все усилия Пушкина и его друзей, так и не удалось обнаружить. Однако при всех принятых мерах предосторожности барон Геккерн (если это был он) не рассчитал одного: с каким противником ему придётся иметь дело. Вот почему он не сумел предугадать, что скандал обернётся против него.

В деле с анонимными письмами, даже если принять предлагаемую гипотезу, всё равно остаётся очень много тёмного и неясного. Не может быть сомнений в том, что у Геккернов был соучастник — тот, кто переписывал пасквили. Пушкин знал почерки посланника и его приёмного сына и не сомневался в том, что письма были переписаны другой рукой. Поэтому в своих обвинениях он ни разу не сослался на сходство почерков.

Установить, кто был непосредственным исполнителем этого подлого дела, не удалось. У Пушкина на этот счёт не было никаких определённых подозрений. Розыски, которые попыталось провести в феврале 1837 г. III отделение, не дали результатов. Известно, что в пушкинском кругу в связи с анонимными письмами было названо два имени — И.С. Гагарина и П.В. Долгорукова. С течением времени подозрения, касающиеся Гагарина, как будто отпали, но мнение о виновности Долгорукова прочно утвердилось. Оно было подтверждено данными графологической экспертизы, состоявшейся в 1927 году.

Однако новейшие разыскания показали, что эта версия, давно ставшая хрестоматийной, тоже нуждается в проверке и пересмотре.

Нет окончательного ответа на вопрос: кто переписал и разослал Пушкину и его друзьям анонимный «Диплом историографа Ордена Рогоносцев».

Чья же это была рука?

В 1927 г., после экспертизы, переписчиком пасквиля был назван князь П.В. Долгоруков. Этот вывод принимался за аксиому почти полвека, пока графологическая экспертиза не опровергла эти выводы как непрофессиональные.

Экспертизу проводил некто Сальков, бывший фельдшер, работавший после революции экспертом в уголовном розыске. Из серьёзных людей ему мало кто поверил.

Так, Г.В. Чичерин (в то время нарком иностранных дел) писал: *«На почерк П.В. Долгорукова совсем не похоже...»* Своё

письмо Чичерин отправил Павлу Елисеевичу Щёголеву, маститому пушкинисту, сразу после публикации в «Огоньке» в 1927 г. факсимиле анонимного пасквиля. Вот это письмо:

«Многоуважаемый Павел Елисеевич, в «Огоньке» 16 октября я впервые увидел факсимиле пушкинской анонимки. Почерк поразил меня, как знакомый. Мне кажется, что это почерк Фил. Ив. Бруннова, многочисленных частных письма которого я читал почти 30 лет назад, когда работал с Н.П. Павловым-Сильванским в Госархиве. Конечно, могу ошибаться, но характер почерка уж очень знакомый. На почерк П.В. Долгорукова совсем не похож. Экспертиза Салькова напоминает мне известную экспертизу Бертильона в деле Дрейфуса.

*Бруннов — сын немецкого пастора, сделавшийся бароном и графом, блестящий дипломат старой школы, злой остроумец и насмешник, в молодости подлизывавшийся вовсю, позднее изводивший Горчакова своими сарказмами, в последние годы перед англо-русскими переговорами 1840—1841 гг. был в Петербурге при Нессельроде. В период Крымской кампании кн. П.А. Вяземский изображал, как Бруннов пластрировал перед великими княгинями. Это была его большая слабость. В 30-х годах он, несомненно, пластрировал перед Марьей Дмитриевной Нессельроде. Историк Шимин однажды в разговоре со мной охарактеризовал Нессельроде: «Его жена была умнее его. Мне представляется такая картина: злая, энергичная, властная Марья Дмитриевна имела при себе подлизывающегося остроумца Бруннова; он её, несомненно, увеселял после обеда, она, очевидно, в соответствующих красках рассказала о романе государя с Пушкиной; Бруннов, любитель шалостей и скабрёзностей, очевидно, сочинил тут же остроуту об *ordre de sosus* (орден рогоносцев) и сказал —*

Пушкин заслуживает диплома». Мария Дмитриевна, оскорблённая Пушкиным, схватилась за это, и Бруннов тут же набросал карикатуру официального документа.

Вы, несомненно, легко достанете в Центроархиве какие-либо letters particulars Бруннова для проверки моей гипотезы.

С совершенным почтением Георгий Чичерин»

Граф Брунов (в другом написании Бруннов) с 1823 по 1826 г. служил чиновником особых поручений при графе М.С. Воронцове в Одессе, с 1832-го — при вице-канцлере К.В. Нессельроде, с января 1833-го — член Главного управления цензуры при Министерстве иностранных дел, впоследствии русский посол в Англии.

Брунов принадлежал к «избранному кружку» Марии Нессельроде. Князь В.П. Мещерский, познакомившийся с Бруновым в середине 60-х годов, даёт ему следующую нелестную характеристику: «Мне говорили, что карьерой своей вначале он был обязан своему красивому почерку, а затем своему французскому стилю. Что он сделал для России полезного, я никогда не мог узнать. Вообще такого оригинального и самобытного типа цинизма в своём презрении к каким бы то ни было нравственным обязанностям я никогда не встречал...»

«Красивый почерк», «французский стиль», «оригинальный и самобытный тип цинизма». Проницательный Чичерин, похоже, прав: написание пасквилей могло быть поручено Брунову. Для окончательного ответа на вопрос: «Чья рука?» — необходима экспертиза тех самых «частных писем», о которых упоминал Чичерин.

И здесь начинается новая интрига.

В преддверии 200-летия Пушкина была сделана попытка ксерокопировать автографы писем Брунова, ныне хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) при МИДе РФ, для сличения их с почерком, которым

написаны анонимные дипломы. Последнее слово в этой истории должны были сказать эксперты-графологи. Но за эти ксерокопии Архив запросил такую сумму, которая оказалась непосильной для Литературного института, сотрудница которого Елена Литвин занималась этим вопросом. Она пишет: «После того как я отобрала 20 листов с образцами почерка Брунова за 1824—1845 годы, мне был официально вручён «Договор на использование документальных материалов». В одном из его пунктов значилось: «Общая стоимость договора». Для меня, так же, впрочем, как и для нашего института, сумма эта оказалась непосильна.

Проблема усложняется тем, что я не могу после проведённой работы в архиве МИДа обнародовать шифры найденных мною документов, так как в упомянутом «Договоре» говорится, что «пользователь не имеет права передавать шифры третьим лицам или организациям без согласования». Если я нарушу это условие, придётся заплатить МИДу штраф, но уже не рублей, а минимальных месячных окладов.

Бедный Пушкин! Бедный — в самом прямом смысле слова! Минувший юбилей обошёлся России в копейчку. Но когда заходит речь о том, чтобы расплатиться по долгам предков перед Пушкиным и его честным именем — увы, мы вновь оказываемся банкротами...

Елена Литвин»

Итак, если опираться на материалы, доступные в настоящее время, следует считать наиболее вероятным, что анонимные письма исходили от Геккернов и (или) Нессельроде с помощью графа Ф.И. Бруннова.

13 ноября Пушкин согласился не давать хода этому грязному делу, но остался при своём убеждении о причастности Геккернов к этой интриге.

А.А. Наумов. Последний путь

Судя по тому, что теперь известно, Пушкин был вправе бросить в лицо Геккерну это обвинение. Он сделал это впервые 21 ноября в письмах, обращённых к самому посланнику и к графу Бенкендорфу.

В письме к Геккерну Пушкин заявил: *«Но вы, барон, вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну, всем поведением этого юнца руководили вы. Вы решили нанести удар, который вам казался окончательным. Анонимное письмо было составлено вами».*

Это обвинение было открыто высказано и в письме к Бенкендорфу. «...я убе-

дился, — писал Пушкин, — что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чём считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества».

По свидетельству Вяземского, Пушкин так *«и умер с этой уверенностью».* И 27 января, накануне поединка, он официально повторил секунданту противника свои обвинения. Это было сказано д'Аршиаку в присутствии Данзаса, который и сообщил о заявлении Пушкина в своих показаниях, данных следственной комиссии. И, судя по всему, Пушкин был прав. **НО**

Региональные представители журнала «Народное образование»:

Республика Алтай	Гурьев Александр Иванович	т. (38822) 2-30-76
Амурская обл.	Лукина Елена Юрьевна	т. (4162) 42-41-64
Республика Башкортостан	Терегулов Филарит Шарифович	т. (3472) 23-38-81
Белгородская обл.	Будагянц Ирина Даниеловна	т. (0722) 33-67-32
Республика Бурятия	Бутуханов Александр Дорджиевич	т. (3012) 21-62-26
Волгоградская обл.	Белова Светлана Владимировна	т. (8442) 95-13-72
Владимирская обл.	Гаврилин Александр Васильевич	т. (0922) 36-68-81
Краснодарский край	Абдуева Земфира Богдановна	т. (8612) 36-21-92
Краснодарский край, станица Азов	Остапенко Андрей Александрович	т. (86166) 5-12-97
Республика Крым, Артек	Кравченко Юрий Николаевич	т. (0654) 36-34-65
Курганская обл.	Шалай Валентина Викторовна	т. (3522) 2-92-25
Курская обл.	Абрамова Вероника Николаевна	т. (0712) 56-18-97
Липецкая обл., г. Елец	Белканов Николай Алексеевич	т. (07467) 49-376
г. Магнитогорск	Мустаева Флюра Альтафовна	т. (3511) 35-94-96
Республика Мордовия	Калинкина Людмила Ивановна	т. (8342) 55-14-38
Нижегородская обл., г. Арзамас	Белянкова Наталья Михайловна	т. (83147) 4-15-53
Новгородская обл.	Симонова Людмила Николаевна	т. (8162) 11-68-96
Новосибирская обл.	Фролова Елена Валерьевна	т. (3832) 25-82-41
Пермская обл.	Волков Александр Витальевич	т. (3422) 34-67-65
г. Санкт-Петербург, Агентство образовательного сотрудничества	Эпштейн Михаил Маркович	т. (812) 444-91-93
г. Сочи	Юрова Наталья Алексеевна	т. (8622) 98-66-32
Ставропольский край	Кулькин Николай Васильевич	т. (8652) 95-53-47
Тамбовская обл.	Нечаева Светлана Леонидовна	т. (0752) 72-90-15
Украина, издательство «Школьный мир»	Мосиенко Марина Владимировна	т. (044) 295-92-16, 295-71-23
Ярославская обл.	Владимирова Елена Викторовна	т. (0852) 32-18-55